

О МОЕМ ОТЦЕ

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностию: были...

В. Жуковский

Дайч Самуил Аронович (01.03.1928, Киев – 06.06.1988, Львов) – украинский органист, пианист и педагог. Обучался в специальной музыкальной школе-десятилетке при Киевской консерватории (1935–1941). Во время войны учился в Перми в музыкальном училище (класс И. Браудо). После войны обучался в Киеве (класс А. Луфера) и Ленинградской (класс И. Браудо) консерваториях и аспирантуре при последней...

С 1961 г. занимался активной концертной деятельностью в СССР...

Дайч – один из основоположников органного дела в Украине. Это был музыкант яркого артистизма, сильного темперамента, утонченного вкуса. Его увлекала яркая масштабность, отважная виртуозность...

Имеет фондовые записи на киевском и львовском радио.

Иван Лысенко. Словарь музыкантов Украины. Киев, 2005

Для этих заметок не подходит слово «вспоминания». Ведь вспоминать можно то, что хранится в памяти, но не бывает востребовано ежедневно, а лишь изредка, в связи с чем-либо; невозможно «вспоминать» то, что всегда живет в тебе, является частью тебя...

Отец – живая часть меня, и не только биологически, в генах. Я постоянно ощущаю его присутствие в себе сущностно, духовно: в мыслях, знаниях, оценках людей и явлений. Конечно же, в профессии.

И еще: не могу думать или «вспоминать» об отце отдельно от мамы. Только сейчас я в полной мере понимаю, какой идеальной парой они были. Это звучит банально, но поистине сам Бог соединил их, и каждый нашел свою вторую половину. Редко приходится встречать настолько гармоничную супружескую чету, связанную такой пылкой любовью до последнего вздоха, такой взаимной преданностью, таким полным совпадением взглядов и интересов.

То, о чем я буду писать, не является хронологически последовательным. Что-то помню сам, о чем рассказывал мне отец.

Когда я родился, папе был всего двадцать один год.

– Ты еще такой молодой, а уже обзавелся ребенком, – недоумевали соученики. – И зачем надо было так торопиться?

А он отшучивался:

– Ничего! Сынок подрастет, и мы будем вместе за девчонками ухаживать...

* * *

Отец много рассказывал мне о военных годах: о первой немецкой бомбардировке Киева, когда он

с такими же пацанами играл во дворе в волейбол, не осознавая опасности, о тяжелой жизни в эвакуации («Я всегда был голодным»), об ужасной картине руин города, когда они возвращались в 1944 году.

Во время войны в жизни моего отца произошли два важных события, определивших всю его дальнейшую судьбу.

Во-первых, в эвакуации, в городе Молотове (ныне Пермь) он попал в класс крупнейшего музыканта – органиста и пианиста, основоположника Ленинградской органной школы профессора Исая Александровича Браудо, который был вывезен на Урал и преподавал в Молотовском музыкальном училище. Тринадцатилетний киевлянин, видимо, привлек внимание маститого профессора своими яркими способностями, а ученик просто «влюбился» в нового учителя. После первого же урока он, прибежав домой, восхищенно воскликнул:

– Мама! Как он играет!

До начала войны папа успел окончить пять классов Киевской музыкальной школы-десятилетки, где его педагогом был прекрасный специалист, известный детский педагог и методист Б. Е. Милич. Но в лице И. А. Браудо он соприкоснулся с музыкантом совершенно иного «калибра» и, несмотря на свой возраст, сразу безошибочно почувствовал это. Наверное, Исая Александрович – единственный человек, чей авторитет для отца на протяжении всей жизни был абсолютным и непререкаемым. У папы был скептический склад ума: он никогда не умел слепо верить в кого-то или во что-то, иногда позволял себе ироничные замечания даже по адресу людей, которых искренне любил и глубоко уважал. Но только не о Браудо! Каждое слово учителя было для него бесценной истиной в последней инстанции. Когда я впервые увидел профессора Браудо (кстати, мне тоже тогда было тринадцать лет), меня поразили знакомые жесты, мимика, интонация голоса. Оказывается, мой отец непроизвольно подражал внешним манерам своего кумира!

Теперь о втором важном событии военной поры: в эшелоне, ехавшем в Киев во время реэвакуации, мой будущий отец впервые увидел мою будущую маму. Вскоре они познакомились, дружились, ежедневно встречались... И когда в 1947 году отец (уже студент Киевской консерватории) окончательно понял, что хочет учиться только у

Браудо и решил переводиться в Ленинград, мама поехала вместе с ним.

Учиться в Ленинградской консерватории временно по двум специальностям – фортепиано и орган – дело достаточно сложное, но отец учился очень хорошо. Он возглавлял студенческое научное общество, участвовал в многочисленных публичных концертах и как один из лучших студентов-отличников получал «Сталинскую» стипендию.

* * *

Профессиональный путь отца не был гладким и легким. Еще в студенческие годы, в 1950 году отец по инициативе И. А. Браудо готовился к Международному конкурсу в Лейпциге. В определенном смысле, это была уникальная идея, поскольку он собирался участвовать в конкурсе в двух номинациях – как пианист и как органист. Отец бешено занимался, ведь надо было подготовить две огромные программы (каждая состояла из трех туров!).

На всесоюзном отборочном прослушивании к конкурсу пианистов выступил очень удачно, сам Генрих Густавович Нейгауз, который был членом жюри, подошел к нему и пожал руку. Всегда строгий и взыскательный Браудо был доволен и уверен в успехе. Но... на конкурс отца не пропустили. Он был так расстроен, что отказался играть на органном прослушивании – вероятно, это было его ошибкой...

* * *

В 1951 году мои родители окончили Ленинградскую консерваторию, и отец как молодой специалист был направлен на работу в старинный город Львов – центр Западной Украины, незадолго до войны вошедший в состав СССР. Во Львовской консерватории как раз планировалось открытие органного класса, и отец предвкушал интересную работу. Но... когда родители приехали во Львов, оказалось что это место уже занято. Поэтому на протяжении нескольких лет отцу пришлось работать пианистом-концертмейстером филармонии, много ездить с концертными бригадами по области. Эти поездки были небезопасными: в лесах вокруг города еще скрывались отряды Украинской повстанческой армии Степана Бандеры, кое-где и постреливали; артистов на всякий случай сопровождали вооруженные солдаты.

Конечно, работа только аккомпаниатором не удовлетворяла отца, и он стремился к чему-то более интересному: вскоре исполнил с симфоническим оркестром филармонии Второй концерт Рахманинова, с коллегами – скрипачом и виолончелистом – создал трио.

Через некоторое время родителям удалось устроиться педагогами в музыкальную школу-десятилетку, где у отца, кроме основной работы учителя, было еще одно занятие. Тогда ведь не было магнитофонов, поэтому на уроках музлитературы играл живой пианист – это называлось «иллюстрациями». И отец подрабатывал иллюстратором на таких уроках. Он блестяще читал с листа, многое вообще мог сыграть по слуху, но иногда тщательно готовился: помню, как в течение нескольких дней дома играл и пел весь клавиры оперы «Запорожец за Дунаем». Так же старательно отец учил дома аккомпанементы концертов, которые должен был играть с учениками, причем не только со своими. Некоторые старшие коллеги часто обращались к нему с просьбой саккомпанировать их ученикам.

Когда отец занимался на рояле, я, еще совсем маленьким, всегда удивлялся тому, как красиво, мягко под его пальцами звучит инструмент. Отчетливо помню свое детское впечатление: «У папы получается круглый звук».

В 1961 году, наконец, сбылась его давняя мечта о работе в высшем учебном заведении, отца приняли преподавателем на кафедру специального фортепиано Львовской консерватории. Жалко было бросать школу, где поработал десять лет, поэтому отец оставил там себе несколько учеников. Он был не единственным педагогом в консерватории, немного работавшим в школе. Но... вскоре почему-то именно ему запретили подобное совместительство, и со школой пришлось распрощаться навсегда.

* * *

Тем временем минуло уже много лет, как отец был оторван от своей второй специальности – органа. Во Львове не на чем было играть, поскольку орган в концертном зале филармонии давным-давно испортился и не функционировал. И профессор Браудо, всегда заботившийся о своем ученике, добился того, что в аспирантуре Ленинградской консерватории было открыто место для органиста-заочника.

...Здесь необходимо небольшое отступление. Браудо, наверное, считал моего отца одним из самых лучших своих учеников, о чем свидетельствует весьма красноречивый факт. Однажды, когда Исайя Александрович лежал в больнице с очередным инфарктом, а отец, приехав в Ленинград, пришел навестить своего больного учителя, профессор вдруг сказал ему:

– Прошу тебя: если со мной что-нибудь случится, доучи мою Настю. – Речь шла об Анастасии Браудо, органистке, дочери и ученице И. А. Браудо...

Отец серьезнейшим способом готовился к поступлению в аспирантуру, настойчиво учил русский язык, зубрил марксизм-ленинизм. Все экзамены сдал на «отлично». Но... неожиданно появилась еще одна претендентка на то же самое место. Оценки у нее были ниже, зато ей покровительствовало некое влиятельное лицо. Не принять ее – невозможно! Принять ее и не принять Дайча, у которого более высокие баллы, тоже нельзя! Что же делать?! И руководство находит «мудрое» решение: результаты вступительных экзаменов по специальности «орган» аннулируются, аспирантское место ликвидируется.

Лишь через год, со второй попытки отец все же поступил в аспирантуру.

А за этот год в нашей семье произошло важное событие – и снова благодаря профессору Браудо. Обеспокоенный тем, что отцу не на чем заниматься, Исайя Александрович разыскал для него в Ленинграде старинную фисгармонию с двумя мануалами и ножной клавиатурой. Собственно говоря, это был маленький домашний орган. Браудо прислал инструмент контейнером во Львов и объяснил, как можно приспособить обычный пылесос для работы пневматической системы фисгармонии.

С этого времени наша квартира ежедневно представляла собой диковинное зрелище: в одной комнате папа занимался на фисгармонии, в другой ревел пылесос, соединенный с инструментом длинным шлангом. Тут же, рядом с пылесосом, я занимался на рояле, почти не слыша своей игры. Мы жили в доме, построенном в XVIII веке, где были очень толстые стены и потолки, – вот почему наши соседи выдерживали этот жуткий грохот. А отец, как всегда, нашел повод для шутки:

– Я играю на пылесосе...

* * *

В период обучения в аспирантуре началась регулярная концертная деятельность отца, продолжавшаяся до конца его жизни. На протяжении 1960–1970-х годов в Советском Союзе происходило интенсивное строительство концертных органов, поэтому география его гастролей постоянно расширялась. Естественно, отец многократно играл на органах Украины, побывал с концертами повсюду в огромной России – от Пскова и Калининграда до Иркутска и Омска, выступал в Белоруссии, Молдавии, Эстонии, Латвии, Литве, Армении, Грузии, Азербайджане, Казахстане, Узбекистане, Киргизии, Туркмении... Из всех бывших советских республик он не побывал, кажется, только в Таджикистане.

У отца не было никакого почетного звания, поэтому его гонорар за выступление был очень низким. Впрочем, он никогда не относился к своим концертам как к заработку, а лишь как к творческой «отдушине», дававшей ощущение глубокого внутреннего удовлетворения и радости. А все гонорары отец полностью тратил на ежедневные телефонные звонки домой – отовсюду, где бы он ни находился.

Иногда он привозил из гастрольных поездок курьезные записки, пришедшие от слушателей. Например: «Пожалуйста! Токката ре минор, хотя бы начало!». Или: «Просим сыграть Хоральную прелюдию из кинофильма „Солярис“ (речь идет о Хоральной прелюдии Баха «Ich ruf' zu Dir, Herr», которая заучит в знаменитом фильме А. Тарковского). Особенно забавный заказ, написанный по-русски с явным кавказским акцентом, отец получил в Пицунде: «Огински. Балланес»...

В СССР были два особых города, Москва и Ленинград, где по неписаному закону разрешалось выступать только народным и заслуженным артистам, лауреатам престижных конкурсов. По этой причине на московских органах отец никогда не играл. Однако он очень гордился тем, что Ленинград, невзирая ни на что, ежегодно, а иногда и несколько раз в году, приглашал его с концертами в Большом зале филармонии. На ленинградских концертах отец всегда особенно волновался, звонил домой за несколько часов до начала:

– Проданы все билеты и двести входных! Волнуюсь безумно!

После концерта звонил счастливый:

– Все хорошо! Играл на «бис» четыре раза!..

На протяжении долгого времени отцу было очень жаль, что он не имеет возможности выступать дома, во Львове. Удивительно: в западном городе с древними католическими традициями много лет отсутствовал действующий светский концертный орган. Но вот, наконец, дошла очередь и до Львова: началась капитальная реставрация большого органа в бывшем костеле, превращенном в Дом культуры политехнического института. Так совпало, что мастера чехословацкой органной фирмы «Ригер-Клосс» работали во Львове в 1968 году, то есть как раз тогда, когда советские войска оккупировали Чехословакию. Отец рассказывал, как неловко ему было общаться с чехами, какой жгучий стыд ощущал за свое государство...

Среди людей, причастных к созданию львовского органа, конечно, был мой отец, сыгравший в этом деле чрезвычайно активную роль. Кажется, было бы вполне естественно и закономерно, если бы первый публичный концерт на новом органе дал именно он – в то время единственный во Львове профессиональный концертующий органист, широко известный во всей стране. Но... для презентации был приглашен из Киева другой музыкант, так как начальник областного управления культуры категорически запретил, чтобы торжественное открытие органа осуществил Самуил Дайч. И хотя для отца не были новостью некоторые малоприятные особенности государственной национальной политики той поры, и хотя он уже привык к тому, что государственный антисемитизм свирепствует на Украине сильнее, чем в других республиках Советского Союза, все же такого удара он не ожидал и переживал его очень тяжело. Надо сказать, впрочем, что позже тот же чиновник «любезно разрешил» отцу выступать в родном городе, но обида долго лежала камнем на сердце...

Последний в своей жизни концерт (за две недели до смерти) отец играл во Львове – городе, для которого успел очень много сделать; играл на львовском органе, о котором долго мечтал и к созданию которого приложил свои силы, энергию и энтузиазм.

* * *

Основу концертного репертуара отца, как и репертуара большинства органистов, составляли произведения И. С. Баха. Вероятно, из-за этого у нас дома всегда был своеобразный «культ» этого композитора. Неоднократно слышал я от папы

высказывания о непревзойденной гениальности Баха, о том, что среди всех великих он самый великий. Впрочем, и о других авторах он отзывался не менее восторженно.

– Почему ты не хочешь выучить h-moll'ную сонату Шопена? – говорил он мне. – Это же лучшая музыка на свете!

Как-то сказал:

– Если бы Рахманинов не написал ничего, кроме первой темы Третьего концерта, все равно вошел бы в историю как гениальный композитор.

Помню, как после исполнения во Львове Девятой симфонии Бетховена он воскликнул:

– Разве может быть музыка лучше?!

Обожал Моцарта, одним из самых любимых был Прокофьев.

А в концертных программах отца рядом можно было встретить имена старых мастеров (Фрескобальди, Пахельбеля, Букстехуде), произведения Любека, Кухаржа, Брамса, Франка, Рамо, Листа, Яначека, Бельмана, Хиндемита, Шостаковича, Тищенко, Мушеля, украинских композиторов...

Главной особенностью исполнительского искусства моего отца, наверное, было замечательное ощущение музыкального времени. Его ритм был упругим и поразительно гибким, а совершенное владение агогическими и артикуляционными тонкостями делало исполнение необычайно выразительным, сдержанным и естественным.

* * *

Он обладал редкостным качеством: в любую минуту мог сесть за инструмент и от начала до конца сыграть сочинение, когда-то выученное.

Впрочем, свою феноменальную память отец демонстрировал не только в музыке. Очень любил поэзию, помнил множество стихов. Часто декламировал Маяковского, Пушкина, Есенина, Некрасова, Лермонтова, Багрицкого, Светлова, особо им любимого Игоря Северянина; знал наизусть большой фрагмент «Слова о полку Игореве» на старославянском языке. Случалось, в школе нам задавали выучить какое-то стихотворение – и я вдруг радостно обнаруживал, что давно его знаю, потому что папа мне его много раз читал.

Мощная память и быстрый ум помогли отцу виртуозно играть в карты; он любил провести свободное время с приятелями за преферансом или покером, а выиграть у него в «дурака» было почти невозможно. С удовольствием играл и в шахматы,

но темпераментную натуру отца раздражала медленная игра с долгим обдумыванием каждого хода – он предпочитал азартный пятиминутный «блиц» с шахматными часами. Всегда интересовался политикой, выписывал много газет. Очень любил кино.

Но самым главным увлечением всегда была музыка. Родители не пропускали ни одного филармонического концерта, собрали крупнейшую нотную библиотеку, музыка была основной темой домашних разговоров.

* * *

Еще во времена войны в городе Молотове, когда отцу было четырнадцать лет, он угодил в пренеприятнейшее приключение – провел ночь в тюрьме. А случилось это так: вечером он возвращался домой очень поздно, потому что после уроков в школе еще зарабатывал деньги, играя на разбитом пианино в каком-то клубе на танцах. Было темно, холодно, страшно – поэтому он не шел, а бежал. Вдруг услышал свисток, окрик «Стой!» и увидел милиционера, который задержал его и привел в отделение. Там сидела заплаканная женщина. Едва взглянув на подростка, она сказала:

– Да, кажется это он!

Милиционер велел мальчику открыть портфель и, обнаружив в нем перочинный нож и роман «Преступление и наказание» закричал:

– А-а! Достоевского начитался! Воровать вздумал! – И запер парня в камере предварительного заключения. Лишь утром разобрались в недоразумении и отпустили «вора» на свободу.

Я рассказываю об этом потому, что людям, знающим отца, показалось бы совершенно нелепой, просто идиотской мыслью о том, что его могли заподозрить в воровстве. Его абсолютная честность, глубокая внутренняя порядочность, подлинная интеллигентность и настоящее мужское благородство были известны всем, кто с ним общался.

Папа никогда не считал себя храбрецом, часто говорил мне:

– Не надо плевать против ветра! – имея в виду то, что в поведении надо быть осторожным. Однако сам иногда поступал совершенно наоборот. Помню одну историю, случившуюся в середине 1950-х годов, когда у одной его ученицы арестовали отца – священника греко-католической церкви, запрещенной советскими властями. Еще не наступила хрущевская «оттепель», еще сталинская карательная машина продолжала подминать под

себя невинных людей, еще было очень опасно выказывать сочувствие семьям тех, кто попал в эти страшные жернова. Но как только папа узнал об аресте – тут же позвонил девочке:

– Немедленно приходи к нам!

Вообще, если искать главную черту его характера, то, наверное, это заботливость. Отец всегда с огромной любовью заботился о семье, родителях, сестре, постоянно опекал своих учеников, вникая во все их проблемы. Значительную часть бытовых дел охотно брал на себя, чтобы помочь маме, которая всегда много работала, уставала. В советские годы, когда во львовских магазинах (как и в магазинах других провинциальных городов) было трудно что-либо купить, он, возвращаясь из Ленинграда, привозил одежду и обувь для мамы и меня, тащил огромное количество продуктов питания. Говорил сердито:

– Как это унижительно! Артист едет домой после успешных гастролей и везет в чемоданах ноты и фрак, а в сумках – мясо, масло, кур и селедку...

К сожалению, это было отнюдь не самое большое унижение в его жизни. Значительно болезненнее он реагировал на унижения, которые приходилось терпеть на работе. Никогда не смогу забыть выражение лица, с которым отец приходил домой после ежегодного собрания коллектива.

– Меня в консерватории нет! – горько усмехался он. Потому что в отчетном докладе всякий раз звучало: «С концертами в разных городах выступали товарищи X, Y, Z и другие». Мой отец, который был одним из наиболее активно концертирующих сотрудников, всегда почему-то оказывался в группе «и другие».

Папа не был чересчур амбициозным человеком, но обладал чувством собственного достоинства –

поэтому и переживал из-за такой дискриминации, а также из-за того, что так и не поднялся по служебной лестнице выше «старшего преподавателя» – при его стаже, опыте работы, таланте, образованности и авторитете среди коллег и студентов!

Увы – такой была специфика времени и страны, в которой прошла его жизнь. Моя память благодарно хранит слова, которые были произнесены над гробом отца в июне 1988-го:

– Самуил Аронович, Вы не дождались званий и наград. Но для нас, ваших студентов, Вы всегда были Профессором!

– Его слово на кафедре всегда было словом Мэтра – решающим и окончательным.

Разумеется, папа был одним из моих учителей. Хотя он и не занимался со мной регулярно, его влияние на мое профессиональное становление было очень сильным. В то же время мне трудно судить о педагогических принципах отца. Скажу лишь вот о чем: когда-то он написал большую статью о профессоре И. А. Браудо. Так случилось, что она не была опубликована и, к сожалению, не сохранилась. Лишь последнюю страницу этой статьи я нашел в семейном архиве – там отец, на мой взгляд, очень красиво формулирует важнейшие установки, которыми руководствовался Браудо в своей педагогической деятельности: «И тот, кто сумеет воспитать в ученике друга музыкальной истории, простого и пылкого художника, знатока музыкальной речи, мастера своих движений, человека, умеющего поставить свой талант на службу мыслям и людям, – тот будет учителем и наставником исполнительского мастерства».

Думаю, что таким образом отец фактически изложил и свое профессиональное кредо.